

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АВТОРСКОГО СИМВОЛА В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПЕРЕВОДА

Стихотворение Петра Негоша *Ноћ скупља
вијека* и его русский перевод

Ана Рејановић

Черногорский университет

The paper aims at the possible interpretation of the author's symbol and the potential problem of its accurate translation into Russian. On the notable example of Njegoš' lyrical poem *A Night More Precious than a Century* we presented the specific algorithm of the decoding procedure in deciphering the complex semantics of the author's symbol, as well as the method of finding its translation equivalent in the Russian language. The analysis starts from the point of view of modern translatology, linguistics, and literary studies and adequately takes into account the relevant data of Njegoshology, as an interdisciplinary science. To elucidate the complex nature of the symbol, as a linguistic sign and its function in the literary text, as well as the possibility of its translation into Russian, various methods were applied: contrastive, etymological, interpretive analysis in the synchronic and diachronic plane. The conducted analysis illustrates the fundamental importance of attentively examining symbols from various aspects, starting from the most elementary linguistic level within the source language, through the literary in the style of the epoch and the idiostyle of the prominent writer and concluding with the interlingual translational approach. This multifaceted interpretation contributes to resolving the semantics of the symbol and finding its translation equivalent.

Keywords: Njegoš, *A Night More Precious than a Century*, author's symbol, *blue moon*, Russian language, Serbian language, translation equivalent

<https://doi.org/10.1075/babel.00286.pej> Published online: 15 September 2022

Babel ISSN 0521-9744 E-ISSN 1569-9668 © Fédération Internationale des Traducteurs (FIT) Revue Babel

О поэте и его творчестве

Петр Негош (Petar II Petrović Njegoš, 1813–1851) принадлежит к числу выдающихся личностей первой половины девятнадцатого века, оставивших заметный след в истории славянских народов и внесших неоценимый вклад в их культуру. В настоящее время упоминание его имени ассоциируется, в первую очередь, с его поэтическим творчеством. Как поэт, обладающий редким талантом, и как автор историко-философских поэтических произведений Петр Негош занимает важное место в культурной памяти не только черногорцев, но и других южнославянских народов. Петр Негош был не только поэтом, но и выдающимся государственным деятелем, правителем Черногории с 1830 г. Он родился в семье, принадлежавшей к правящей черногорской династии Петровичей-Негошей (1697–1918), и после смерти своего дяди Петра I Петровича Негоша стал владыкой Черногории, унаследовав высшую светскую и духовную власть. Будучи сторонником идей просвещения, он осуществил в стране ряд важных реформ. Им была основана типография, организовано несколько школ.

Несмотря на то, что у Негоша не было систематического образования, он владел иностранными языками (русским, французским, итальянским) и считался одним из самых образованных людей своего времени. В библиотеке поэта имелись сочинения многих знаменитых европейских и русских авторов – Данте, Шекспира, Байрона, Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина и др. Русская литература оказала сильное влияние на формирование поэта. Именно через русские переводы поэт познакомился с античной литературой, которая привлекала его особое внимание (он переводил фрагменты из *Илиады*, переложил фрагмент *Слова о полку Игореве*, а также стихотворение Ламартина *Гимн ночи*). В раннем творчестве Негоша прослеживается глубокая связь с устной народной поэзией. Его первые стихотворения были написаны в этом духе. Он начал свой творческий путь как народный поэт с серии народных песен о локальных конфликтах между черногорскими племенами и турками. В ранний период своей творческой деятельности поэт придерживался классицистической манеры, через классицизм соприкоснулся с античной древностью. Его дальнейшее развитие показывает еще большую самостоятельность. Негош обращается к современным романтическим течениям в Европе, читает французских поэтов Гюго и Ламартина, восхищается Пушкиным, которому он посвящает сборник народных песен, ему близки идеи Вука Караджича (реформатора сербского языка). В полной поэтической зрелости, пройдя школу народных, классических и романтических муз, он создал свои великие поэтические синтезы: религиозную поэму *Луч микрокосма* (1845 г.), лирико-

эпическую драматическую поэму *Горный венец* (1847 г.) и историческую поэму *Щепан Мальный* (1851 г.).

Известнейшим произведением Негоша является поэма *Горный венец* (*Gorski vijenac*). Главная книга всей югославской классической литературы занимает первое место по числу изданий и первое место по числу переводов (переведена на 20 иностранных языков). Не обошлось и без интереса к поэме исследователей-транслатологов. Различным аспектам проблем ее перевода на разные языки посвящены статья (Vukčević, 2016), сборник (Vuković i dr., 2001), монография (Rejanović 2010). Энциклопедия черногорской жизни, как поэма часто называется исследователями, получила широкую известность, а многие строки произведения быстро стали крылатыми, войдя в язык как пословицы, поговорки, речения, живущие и по сей день. Сюжетом *Горного венца* послужили события начала восемнадцатого века, когда основатель династии Негошей владыка Данило осознал необходимость объединения всех черногорцев для борьбы против османских завоевателей.

В творчестве Негоша представлены произведения разных жанров – поэмы, драматические поэмы, лирика, но тематически они не разнообразны. В его творчестве доминируют две основные темы, идущие параллельно: одна – это, в основном, космическая судьба человека, а другая – историческая судьба Черногории. Главной особенностью идиостиля поэта является использование и гармоничное сочетание разных противоположных пластов лексики и фразеологии народного, диалектного, церковнославянского, сербско-славянского происхождения. С помощью активного употребления разного рода тропов и фигур речи, аллюзий, реминисценций и символов Негош достигает художественной выразительности. Исследователями неоднократно подчеркивалась сжатость формы, многозначность образов его поэтического языка. Эти черты идиостиля поэта подвергались пристальному изучению исследователей, им посвящены многочисленные толкования и дискуссии, не прекращающиеся и в наши дни.

Особое место в творчестве Негоша занимает его единственное стихотворение о любви *Ночь дороже века*. Песнь песней сербского языка, как о ней отзываются критики и исследователи, имеет космическое и философское измерение. Эротическому акту, находящемуся в его центре, придается абсолютный смысл, в то время как в произведениях космического круга происходит душевное погружение в бытие, а в поэмах исторического круга – героика. И стихотворение *Ночь дороже века* было переведено на семь иностранных языков.

Творчество Петра Негоша обогатило национальную литературу и внесло большой вклад в развитие родного языка, а сам поэт считается одним из основоположников сербского литературного языка. По словам исследователей в наши дни библиография, посвященная Негошу, насчитывает около 22 000 библиографических единиц, а междисциплинарная наука негошведение на протяжении уже 190 лет развивается как перспективная гуманитарная область науки (Ivanović 2017, 48).

Перевод произведений одного из самых значительных поэтов сербского языка позволяет окунуться в восприятие его творчества и зарубежным читателям. Одна из косвенных целей настоящего исследования – продемонстрировать, как и литературы малых народов и их представители могут внести свой вклад в общечеловеческое культурное пространство.

О стихотворении

Для философа и поэта, в творчестве которого преобладают две темы, религиозно-космогоническая и патриотически-героическая, неожиданной оказалась тема любви. Сам факт, что автор является православным епископом, интриговал публику с момента появления стихотворения. С этим связан и тот факт, что и сам поэт осознавал потенциальное непонимание современников, поэтому *Ночь дороже века* единственное его произведение, которое не было опубликовано при его жизни.

Однако, любовная тема стихотворения, в котором описывается эротическая встреча мужчины и женщины, происходящая в течение одной ночи при свете полной луны, представляет собой только первый поверхностный уровень анализа. Герменевтический подход к анализу стихотворения убедительно доказывает глубокий философско-религиозный подтекст произведения, в котором поэт раскрывает свои философские взгляды (они же прослеживаются и в остальных его произведениях философской тематики). Как убедительно доказывают исследователи, “сублимированный” эрос стихотворения Негоша имеет мистическое содержание, уходящее своими корнями в платоническую философию, и не противоречит при этом христианскому учению (Babić 2018).

Как мы уже упомянули, в богатом литературном опусе Петра Негоша *Ночь дороже века* является единственным стихотворением о любви. Поскольку Негош был духовным и политическим правителем Черногории, он неохотно писал любовные стихи. Этот факт решающим образом повлиял на туманную судьбу произведения с момента ее создания. Понимая, что это может негативно повлиять на его репутацию госу-

дарственного правителя, Негош держал свое произведение в секрете, а позже, когда оно увидело свет, по той же причине оно попало в редакцию, которая должна была создать впечатление отдаленности от его авторства. Сегодня, как неоспоримый факт, установленный палеографическим анализом, доказано, что альтернативное название стихотворения *Парис и Елена* (которое, к сожалению, до сих пор часто встречается во многих антологиях и сборниках), было добавлено чужой рукой. Еще один любопытный факт касается времени выхода стихотворения. В течение многих лет первое издание стихотворения *Ночь дороже века* ошибочно датировалось 1913 годом. Фактическим годом его первой публикации был 1912 год, хотя в литературе и эта информация часто игнорируется. Указанные вопросы подробно разясняются, а оригинальный текст, воссозданный на основе автографа поэта, представлен в монографии (Marojević 2017).

Негошевской оде любви посвящена обширная литература, ее изучали с разных сторон. Многочисленные интерпретации и различные аспекты анализа стихотворения Негоша, актуальные и сегодня, свидетельствуют о ее важности и о том, что она не перестает интересовать исследователей, а также читателей. В этой оде любви, в которой проявляются сигналы классицизма Негоша, а также доромантического и романтического стилей (Ivanović 2002,105; Lomprag 2010,10) фоном отображается философский взгляд поэта на мир, который он представляет в других своих произведениях. Сложный и глубокий подтекст стихотворения, который был отражен в предыдущих интерпретациях, обязывает каждого заинтересованного исследователя к внимательному отношению, особенно если он намерен перекодировать его содержание на другой язык. Имея в виду упомянутое, мы попытались расшифровать авторский символ, по крайней мере в той степени, в которой символ поддается расшифровке.

Художественный текст как особая переводческая проблема

Перевод художественного текста представляет собой сложнейшую задачу для переводчиков и требует особого подхода, как в практике перевода, так и в теории. Выдающийся теоретик перевода А. Н Федоров отмечает, что характерными особенностями художественной литературы являются ее образность, смысловая емкость, печать того времени когда создано произведение и индивидуальный стиль писателя (Федоров 2002,334–336). Согласно этому, качество перевода художественного текста зависит от нескольких критериев, которые должен учитывать переводчик, чтобы оригинал был адекватно представлен на другом языке и в другой культуре.

Каждое литературное произведение было создано в определенной культуре и эпохе, поэтому перевод должен указывать, как на культуру, так и на эпоху оригинала, при этом автор произведения всегда является представителем определенного литературного направления, поэтому переводчик должен передать этот аспект как можно лучше. У каждого автора есть свой стиль, который переводчику необходимо реконструировать и максимально повторить на языке перевода, а это, значит, что переводчик должен сохранить стилистические средства выражения, характерные для идиостиля конкретного писателя (Алексеева 2006, 316–317).

Если речь идет о переводе стихов, то требования усложняются, потому что помимо всего вышеперечисленного необходимо передать ритм и метрику оригинала, а также рифму на язык перевода (Алексеева 2006, 318–319). Понятно, что столь сложные и многочисленные требования редко могут быть полностью реализованы на практике в силу ряда объективных факторов. Поскольку перевод как процесс осуществляется с помощью другого языка, имеющего другой набор языковых средств выражения – формальных, семантических, прагматических и стилистических по отношению к исходному языку, неизбежно приходится сталкиваться с ситуацией, когда определенные элементы оригинала переводчик должен либо опустить, либо трансформировать в соответствии с языковой системой и нормами переводного языка. Указанные объективные лингвистические причины и ограничения в процессе перевода возникают из-за асимметрии языков, которая проявляется на всех упомянутых уровнях: грамматическом, лексическом, прагматическом и стилистическом (Гарбовский 2004, 324–350). Поэтому современные ученые транслатологи считают перевод художественного текста интерпретацией и творческим актом, а переводчика – интерпретатором, который, помимо превосходного знания языков и культур, с которыми он сталкивается, также должен обладать определенным талантом. Первым шагом переводчика в его творческом процессе является выявление всех элементов в исходном тексте, с помощью которых каждый писатель стремится повлиять на реципиента. Наиболее яркой чертой художественного текста является активное использование тропов, метафор, символов, и это свойство давно признано главным средством, с помощью которого писатель обновляет план выражения языковых единиц, чтобы отразить определенное смысловое наполнение (Тюленев 2004, 256).

Итак, какие ключевые семантические компоненты, ключевые идеи или символы в стихотворении Негоша нужно донести до иностранного читателя? А чем не должен пренебрегать переводчик с точки зрения интерпретационной позиции в самом процессе перевода? При аналитическом

прочтении стихотворения Негоша вместе с его переводом на русский язык складывается впечатление, что переводчики¹ в самом начале стихотворения не обратили внимания на символику поэта, переведя на русский язык фразу *плава луна синтагмой синий месяц*.

В этой статье мы ограничились проблемой перевода фразы *плава луна*, которая является началом стихотворения Негоша. Мы исходим из того, что инициальная синтагма является ключевым символом в стихотворении. Выделив фразу *плава луна*, наш поиск продвигается в сторону нахождения ее соответствия на русском языке. Учитывая тот факт, что стержневым компонентом словосочетания является существительное *луна*, наше исследование начинается с него. Мы представим алгоритм перевода синтагмы *плава луна* стихотворения Негоша. Он должен выглядеть так: 1. проверка лексемы *луна* в оригинале, ее денотативный статус в языке (отраженный в словарях); 2. проверка ее значения в идиолекте Негоша; 3. проверка значения лексемы в литературном контексте эпохи произведения. Только после проверки всех значений указанной лексемы можно приступить к поиску адекватного соответствия на русский язык. После этого, ключевой символ *луна*, который явно повторяется четыре раза в стихотворении (и один раз неявно через синонимию с *Дианой и ее синим венком*), принимая во внимание его важность в построении композиции стихотворения, можно искать соответствие на русском языке. Оно должно соответствовать на денотативном, стилистическом (прагматическом) и символическом уровнях. Подразумевается, что описанная процедура проверки значения лексемы и ее символики выполняется и в отношении лексемы *плава*, которая является эпитетом упомянутого существительного *луна*. Затем аналитической проверке подвергаются потенциальные русские соответствия.

Денотативное значение лексемы *луна* в сербском языке (в сопоставлении с русским)

Анализ перевода начинается с самого нижнего уровня – денотативного (референциального) значения слова. Все полнозначные слова обозначают определенный объект (денотат) внешнего мира. Это значение отражено в лексикографических источниках как основное. В современном сербском

---

1. При анализе был использован автограф Негоша в соответствии с критической редакцией Р. Мароевича (Marojević 2017) и перевод на русский язык, опубликованный в соавторстве Бранимиром и Ларисой Чович и Вуком Миницем (Čović, Minić 2007).

языке лексема *луна* согласно лексикографическим источникам (RSANU XI 1981, 629), отмечена пометой *поэт.*, которая указывает на ее суженную сферу использования. Из семи описанных значений многозначной лексемы *луна*, за исключением первого 'месяц', остальные являются диалектными и не являются предметом данной статьи, поэтому мы не упоминаем их в данном случае. Однако, и эта многозначность является косвенным свидетельством важности денотата и его восприятия в языковой картине мира. Важно отметить, что первое значение дифференцируется на три: 1. *поэт.* (Луна) Месяц, (небесное тело) 2. лунный свет и 3. серп Луны (полумесяц) как символ ислама. Однако, если мы проверим ее функционирование в истории языка, мы обнаружим тот факт, что она зафиксирована в *Словаре Захария Орфелина*, в котором она обозначала космоним *месяц*. Приведенные данные свидетельствуют о том, что лексема использовалась в сербском литературном языке восемнадцатого века для обозначения небесного тела, но сузила сферу употребления, и в настоящее время используется только в поэтическом стиле (Dragičević 2018, 145). В современном сербском языке она является архаизмом и поэтизмом. Конечно, ее денотативное значение осталось прежним: *Луна*, небесное тело. Поиски переводчика идут дальше и фокусируются на этимологических словарях. Их данные сообщают нам, что *Луна* – это общеславянское название небесного тела, которое используется во всех славянских языках, включая сербский и русский (Skok 1972 II, 330–331; Фасмер 1986 II, 533). Интересно соотношение обозначений в двух родственных славянских языках, в которых обе лексемы встречаются в обоих языках: *луна* и *м(ј)есец* и *луна* и *месяц*. В то время как в современном сербском языке название *м(ј)сец*, обозначающее небесное тело, закрепилось в общем употреблении, а лексема *луна*, как мы уже упоминали, отодвинута на языковую периферию, в современном русском языке и название *луна* и название *месяц* используются параллельно. В то же время лексема *луна* употребляется в литературном языке и является нейтральной, широко используется во всех функциональных стилях, она однозначна, обозначает только космоним, небесное тело (Кузнецов 2004, 507). Многозначная лексема *месяц* в основном используется для обозначения 'временного интервала в 30 дней', двенадцатой части года, и только в другом значении она используется как синоним Луны – небесного тела, но в разговорной и поэтической речи (Кузнецов 2004, 536). Согласно словарям, пара *луна* и *месяц*, используемые для обозначения космонима, также отличаются тем, что *луна* обычно означает полную луну, диск, а лексема *месяц* обозначает ее фазы, которые визуально воспринимаются как серп, рог. Однако, это различие не совсем ясно, поэтому в литературном языке, а также в поэтическом языке эти два номината часто встречаются как синонимы. Тем не

менее, следует подчеркнуть, что лексема *луна* играет в этой паре синонимов роль доминанты.

Лексема *луна* в идиолекте и идиостилие Негоша

В исследовании идиолекта и идиостилия поэта *Словарь языка Негоша* служит важным и дополнительным пособием. Авторы и составители словаря в статье *луна* описывают ее значение следующим образом: 1. лат. поэт.. (Луна) Месец. В качестве иллюстрации, они цитируют три стиха из нашего стихотворения, а также по одному стиху из произведений *Луч микрокосма* и *Горный венец*. 2. образное полумесяц (серп Луны) как символ ислама, цитируя несколько примеров из произведения *Свободиада* (*Svobodijada*) и *Горный венец* 3. лунный свет, иллюстрируя это примером из *Свободиады* (Stevanović i dr. 1983 I, 413–414). Последний пример очень интересен, потому что в нем зафиксировано подтверждение фразы *плава луна*, поэтому мы процитируем его:

Crnogorska sva gnjijezda / ... sva istraži i sažeži / ... zublja kratka s plavom lunom / da se više ne jednači.

черногорские все гнезда / ... все уничтожь и сожги / ... факел слабый с синей луной / чтобы больше не сравнялся.

Эта цитата интересна по двум причинам. Первая: Негош использует ту же фразу *плава луна*, как и в *Ночи дороже века*, а вторая причина, представляющая собой важное значение для нашей темы, состоит в том, что это значение дифференцировано и выделено как важное в идиостилие Негоша. В приведенном выше примере Негош недвусмысленно, через оппозицию, метафор *зубља кратка* (свечение христианства похоже на свечение факела, неяркое, слабое) – *плава луна* (свечение ислама подобно свечению луны яркое и непревзойденное), противопоставляет христианство и ислам. В приведенном примере поэт вместо узуального символа *крст* (*крест*) использует символ *кратка зубља* (*факел слабый*). Таким же образом в этом противопоставлении вместо узуального символа *луна* поэт использует авторский символ *плава луна*. Пример интересен нам и по третьей причине. Составители *Словаря* точно выделяют *сему блеск*, которая находится в фокусе нашего исследования.

Исходя из определения лексического значения, а также опираясь на изучение идиолекта Негоша, мы можем сделать вывод, что Негош часто использует лексему *луна* в своих произведениях как символ ислама, который находится в оппозиции к кресту, символу христианства, и этот

символ является доминирующим в произведениях эпического жанра, преобладающая тема которых – сопротивление турецкому завоевателю. Необходимо отметить, что составители *Словаря* не описывают другое символическое значение луны, потому что частота его несравнимо ниже, точнее, возможно, она реализована только в анализируемом стихотворении. И так, в стихотворении *Ночь дороже века* Негош использует лексику луна не как символ ислама, характерный для его эпических произведений, а в другом символическом значении, взятом из универсальной мифопоэтики, о котором будет сказано ниже. Это понятно и ожидаемо, учитывая любовно-мистическую тему стихотворения. Об упомянутой двойной символике словосочетания *плава луна (синяя луна)* в творчестве Негоша мы поговорим позже в статье, она не является чем-то необычным в его идиостиле, и негошеведы обратили на него внимание, назвав это явление “сетевым контекстом” или “контекстуальными сетями” (Ivanović 2002; Lotmpag 2010).

Мифопоэтическая символика луны

Согласно *Сравнительному словарю мифологических символов индоевропейского языка*, луна и солнце образуют мифопоэтическое бинарное единство и выступают как противоположность женского и мужского начал (Маковский 1996, 209). Символика Луны, которая, как правило, олицетворяет женскую силу, мать-богиню, богиню неба, которая в бинарной оппозиции к Солнцу представляет мужско-женское начало, и которая в первую очередь реализуется и доминирует в негошевском стихотворении, не является единственной в общем контексте мировой мифопоэтики. У этого символа разные значения. Словари символов, свидетельствующие о его значении для всех народов с самых ранних эпох, дают информацию об этом богатом символизме у разных народов. Как важный для нашей темы, мы также подчеркиваем мотив священного брака *hieros gamos* между Луной и Солнцем, который олицетворяет небо и землю, короля и королеву, и который происходит из вышеупомянутого противопоставления (Тресиддер 1999).

Эта оппозиция присутствует и известна с древних времен во многих культурах, и луна/месяц чаще всего, но не исключительно, связаны с женственностью, а солнце – с мужественностью. В европейской традиции с древних времен Луна является олицетворением богинь ночи – древнеримской Дианы, древнегреческой Селены, египетской Исиды, которые в свою очередь являются олицетворением женского начала, а Солнце – олицетво-

рением Феба как мужского начала. Через мифологические представления эта символика проникла в поэзию со времен Гомера и Сапфо, у которых эти два символа женственности и мужественности были представлены во многих произведениях. Солнце, всегда представленное в образе мужчины, а луна в образе женщины, стали олицетворением красоты и величия (Сапелкин 2013, 103).

Как показывают современные исследования, символика луны / месяца становится доминирующей среди европейских романтиков и представлена во французской, итальянской, английской и немецкой поэзии (Сапелкин 2013: 104). Луна / месяц – неизбежный символ и в русской поэзии, и Жуковский как родоначальник русского романтизма, который также был прекрасным знатоком французских поэтов и переводчиком с немецкого и французского языков, известен как поэт, воспевавший луну в русской поэзии в более десяти стихотворениях. Он даже оставил в своем *Подробном отчете о Луне* своего рода энциклопедию лунных мотивов в своей собственной работе. Мифологема *луна* присутствует и в стихах Пушкина, Лермонтова, позже Есенина и многих других русских поэтов, она предстает как контраст дня и ночи, света и тьмы.

Луна и ее значение в стихотворении

Единственное негошевское стихотворение на тему любви, написанное в духе романтизма с элементами классицизма, получило высокую оценку многих исследователей. Известный негошевед Мирон Флашар убедительно указывает на символику и интертекстуальность, которые поэт мастерски воплощает в своем творчестве. По его словам: “все эти реминисценции являются свидетелями постоянной и глубокой связи нашего поэта с античным мифом и античной поэзией, о чем у нас достаточно свидетельств из разных периодов творчества Негоша” (Flašar 2017, 513). Как отличный знаток не только античной поэзии, но и творчества Негоша, исследователь подробно анализирует мотивы, реминисценции, аллюзии, доказывая, что все они не поверхностны и не служат в стихотворении материальным параллелизмом выражения, Негош включает их в свое стихотворение, открывая новое символическое измерение (Flašar 2017, 514). И современные исследователи интерпретируют символику и происхождение мотива: “Начиная оду синтагмой *плава луна*, Негош не только представил одно из древних божеств, он одновременно одарил месяц женственностью, которую сербский язык иначе ему не приписывает. (...) Подобно Селене Сапфо, и негошевская луна, с одной стороны, является небесным телом,

излучающим символическую женственность, а с другой стороны – утонченной двойницей красоты” (Pilirović 2016, 173). Как мы уже отмечали, в этой символике *плава луна*, которой Негош начинает свое стихотворение, является одним из ключевых символов, и переводчик должен идентифицировать его. По нашему мнению, *плава луна*, как авторская идиома Негоша, обозначает небесное тело, в то же время *плава луна* одновременно является олицетворением римской богини Луны, которую позже заменила Диана, она отождествляется с древнегреческой Селеной (Негош прямо не упоминает ее в стихотворении),² но сопровождающие ее эпитеты неявно ведут к ней. Через прономинации в стихотворении *плава луна* явно связана с другими мифологемами – богинями ночи, Исидой (в автографе), Дианой / Артемидой и неявно с Селеной. Отсюда следует, что *плава луна* Негоша – богиня ночи на небе (Диана, Исида), но, в то же время, она также и богиня ночи на земле – фея в объятиях лирического героя, которую Негош параллелизмом на протяжении всего стихотворения – от начала до конца сравнивает с богинями луны. Этот параллелизм Негоша находит свое отражение в мотиве *hieros gamos*, который также очень важен в стихотворении и, которому посвящено отдельное исследование (Lomprag 2010, 156–205).

В своей оде любви Негош прямо или косвенно, через аллюзии и реминисценции, обращается к классическим мифологемам Луна, Диана, Исида, Афина, тем самым связывая свое произведение с общеевропейской культурой и духовной традицией своего времени. Этот классический подтекст несложно передать на язык перевода, потому что, помимо всего прочего,

---

2. В эпосе *Свободиада* есть контекст, в котором Негош использует в качестве символа Луны перифразу *Селенино плаво царство (синее царство Селены)* (Njegoš, Petar II Petrović 1975, 18). Понятно, что в стихах эпической тематики (национальный эпос *Свободиада* написан в духе Илиады) Негош использует символику луны, как и в остальных эпических произведениях, как знак ислама, но для нас важно, что в этом контексте в перифразе *синее царство Селены* поэт, таким образом, метафорически называет луну, наделяя ее эпитетом *синяя*. В приведенной негошевской перифразе эпитет означает не царство синего цвета, а сияющее (великое, могущественное) царство. Здесь мы узнаем манеру Негоша использовать “перекрестный контекст” в своем идиолекте, когда он использует существительное *вила (фея)* с разным символическим потенциалом в разных произведениях (Ivanović 2002, 24), то есть “контекстуальные сети” (как другой ученый называет одно и то же явление), когда поэт использует существительное *тренућ (момент)* с одинаковым смысловым потенциалом в трех разных произведениях в контексте с разными “ролями” (Lomprag 2010, 174). Это замечание современных выдающихся негошевцев служит дополнительным доказательством того, что Негош использует словосочетание *плава луна* аналогичным образом в *Ночи дороже века* по отношению к *Свободиаде* в данном примере, а также в цитированном ранее контексте из *Словаря языка Негоша*.

Негош читал древних писателей именно в русском переводе. Исследователи творчества Негоша свидетельствуют, что поэт был “приверженцем” античной литературы и философии, в его библиотеке были произведения античных писателей, он перевел первую часть *Илиады* с русского перевода Гнедича. С произведениями древних писателей в основном он был знаком через русские переводы (Flašar 1997; Ivanović 2002; Lompar 2010; Kilibarda, Knežević 2017).

Однако, помимо интертекстуальности Негош вводит новые, собственные элементы, таким образом обогащая свое языковое выражение. Вклад Негоша в обновление метафорики отражен в добавлении эпитета *плава*, поэтому его синтагма *плава луна* на самом деле представляет собой авторскую идиому, неделимое целое многозначного содержания, в котором доминирующей символикой является женский принцип, вечная женственность.

Эпитеты луны в русском языке

Возникает вопрос, а какие эпитеты *луны* встречаются в русской поэзии? Мы обратились к специальным словарям эпитетов в русской поэзии. Нас интересовало, используется ли негошевский эпитет и в русском языке.

Поскольку мы ранее заявили, что в русском языке для обозначения небесного тела используются параллельно два номината *Луна* и *Месяц*, и что они иногда функционируют как синонимы, мы проверили валентность эпитетов в словосочетаниях с упомянутыми существительными. Здесь перед переводчиком возникает еще одна интересная проблема. В русской языковой картине мира для обозначения цвета *плав* используются два названия: *синий* и *голубой*. Это различие не отражено в сербском, как ни в многих европейских языках. Прилагательное *сињи* (*синий*) как постоянный эпитет славянского фольклора сохранилось в сербском языке в фольклорном стиле: *сиње море*, *сиња кукавица*. Эти постоянные эпитеты существуют в репертуаре многих славянских языков, включая русский и сербский. Этимология прилагательного *sin* как доиндоевропейского корня, который, согласно этимологическим словарям, также является общеславянским, не совсем ясна, большинство авторов связывают его с корнем *sjati*. В недавних работах, посвященных происхождению названия цвета, убедительно доказано, что древний человек не воспринимал цвет как современный, и что в своем первоначальном обозначении он использовал следующие характеристики как доминирующие: 1. яркость; 2. блеск, вспышка, свечение; 3. интенсивность. Считается, что синий цвет воспринимается

как темный, блестящий и насыщенный. Благодаря этим характеристикам *синий* вошел в синонимический ряд с черным как темный (и часто заменял его), а также в антонимический ряд с белым как светлым (Кожемякова, 2001). Историк русского языка и культуролог Владимир Колесов пишет: “Синий – не цвет, синий – степень яркости темного цвета, все равно какого: и собственно синего, который раньше назывался другим словом (сизый), и фиолетового, и черного, и даже темно-красного. Поэтому синее море, сизый ворон и черная кручина – это всего лишь разные вариации черного в представлении наших предков. И си-вый, и си-зый, и си-ний восходят к одному древнему корню. Исконное значение этого корня сохранил глагол *си-ять*” (Колесов 1982, 35). И эти примеры доказывают, что засвидетельствованный эпитет *синий* в первую очередь обозначает блеск, яркость, сияние, которые имманентны существительным, которые они определяют, а не сам цвет.

С точки зрения денотативного анализа этот факт затрудняет поиск русского соответствия засвидетельствованной в оригинале синтагмы *луна*, поскольку в русском языке обе ее составляющие имеют два возможных соответствия: *луна* и *месяц* и *синий* и *голубой*. Возможное количество вариаций в этих парах и возможный перевод на русский язык мог бы иметь следующие сочетания: *голубая луна*, *синяя луна*, *голубой месяц* и *синий месяц*. По данным специальных словарей эпитетов и сравнительных конструкций, словосочетания *голубая луна* и *голубой месяц* встречаются в русском языке, а словосочетания с прилагательным *синий* словари не фиксируют (Горбачевич 2002, 96, 102; Горбачевич 2004, 119, 123). Мы также проверили вышеуказанные словосочетания в электронном *Национальном корпусе русского языка* и на основании этих проверок пришли к выводу, что русские поэты, помимо наиболее часто встречающейся синтагмы *голубая луна*, также используют словосочетание *синяя луна*, хотя и с гораздо меньшей частотой, а также *синий месяц* с несколькими примерами использования (ruscorpora.ru). Мы сделали эту проверку, хотя и без нее мы могли изначально отклонить синтагмы с компонентом *месяц* в русском переводе из-за того, что такой перевод нарушил бы основную символику оригинала, согласно которой *луна* символизирует женское начало. Такая замена затмила бы, а точнее, стерла бинарную оппозицию мужское – женское начало, на котором поэт строит свою символику и которая распространяется на всю композицию стихотворения. Остаются два возможных варианта: *голубая луна* и *синяя луна*.

Плава в идиолекте Негоша

Мы снова обращаемся к идиолекту Негоша. Каким образом поэт употребляет прилагательное *плава* в своих произведениях и в каких случаях? И что означает его эпитет во фразе *плава луна*? Основываясь на данных из *Словаря языка Негоша*, нам известно, что он использует разные номинаты, употребляемые в языке для обозначения этого цвета: *плав*, *сињи*, *плаветни* и *модри*. Сначала мы проверили в словарной статье толкование лексемы *плав*, в котором она определяется: цвета ясного неба; (Stevanović i dr., 1983, 31). В качестве иллюстрации авторы приводят несколько примеров, один из которых из нашего стихотворения. Затем мы проверили использование вышеуказанных прилагательных в основных произведениях Негоша. Прилагательное *плав(и)* нечасто встречается в идиолекте Негоша. В поэме *Горный венец* оно вообще не наблюдается, и только однажды найдено прилагательное *плаветни* (*о хурије очи плаветније*). В поэме *Щепан Малаый* ни одно из вышеперечисленных прилагательных не засвидетельствовано, в произведении *Луч микрокосма* встречается только прилагательное *плаветни* в синтагмах, которые в двух контекстах описывают небо, в то время как прилагательное *плав* не упоминается. В *Свободиаде* прилагательное *плав* засвидетельствовано в уже упомянутом примере, в котором Негош использовал синтагму *плава луна* как окказиональный символ ислама, и который мы реконструировали из более широкого контекста самого произведения.

В идиолекте Негоша заметно определенное распределение перечисленных эпитетов. Прилагательное *плаветни* (составители *Словаря языка Негоша* определяют его как *плав*, то есть не различают *плав* и *плаветни*), как правило, присутствует в синтагмах, описывающих небо, небеса, небесный свод. Прилагательное *сињи* всегда используется во фразах, описывающих море, океан и другие водные поверхности, и использование этого постоянного эпитета, имеющего фольклорное происхождение, частотно в его произведениях. В своих произведениях поэт также использует прилагательное *модри*. Общим для всех контекстов, в которых засвидетельствовано использование прилагательного *плав*, является то, что Негош в первую очередь им обозначает сияющий объект. Все это наводит нас на мысль, что в идиолекте Негоша в вышеупомянутых синтагмах прилагательное *плав* приобретает особое значение, в котором преимущественно подчеркивается сама яркости, блеска. Подтверждение наших взглядов, согласно которым лексема *плав(и)* содержит, помимо семы цвета, еще один компонент значения – блеск, который мы считаем более доминирующим в стихотворении Негоша мы находим в исследовании Милки Ивич, извест-

ного сербского лингвиста, о цветообозначении *плав* в сербском и в других славянских и неславянских языках в синхронии и диахронии (Ivić 1995, 59–86), а также и у цитированных ранее русских авторов.

Символика цвета *плав* в стихотворении

Учитывая вышеупомянутые лингвистические знания об изначальном цветообозначении, а также после проверки его значения в идиолекте Негоша, на наш взгляд, эпитет *плава* в синтагме не реализуется в своем буквальном (денотативном) значении как свойство объекта синего/голубого цвета,³ а в синтагме *плава Луна* прилагательное проявляет свое фразеологически связанное – символическое значение. Посредством эпитета *плава* Негош подчеркивает символику Луны (богини) как вечной женственности. В этом описании решающее значение имеет ее способность сиять, излучать блеск. В гимне Гомера⁴ Селена (а этимология ее имени по-гречески – *selas*, свет, сияние) богине луны даны эпитеты сияния, яркости, красоты, и, по нашему мнению, эпитет Негоша *плава* содержит именно эту символику. Любопытно, что в упомянутом гимне у богини Луны тоже есть венки, но золотой. Негош не использует этот эпитет, *венки Дианы* в его стихотворении *плав* (*синий*). И это дает нам право интерпретировать замену Негошем гомеровской метафоры *золотой венки* (сияющий, как золото) *синим венком* (тот, который светит, излучает свет). Основным атрибутом богини Луны в коротком гимне Гомера – свет. В нем семь раз разными словами подчеркнута яркость, блеск, который в конце концов, выражается в самом ее имени. Это как раз и представляет собой реализацию многозначности, на основе которой строится символика, ведь Луна одновременно является небесным телом и олицетворением богини ночи.

---

3. Прямым доказательством того, что небесное тело и в англоязычной картине мира воспринимается как синее/голубое, служит астрономический термин *Blue Moon* (явление, когда второе полнолуние появляется на небе в течение календарного месяца). Упомянутое явление на русском обозначается термином астрономии *голубая луна*, а на сербском языке *плав мјесец*.

4. *Гимн к Селене* в русском переводе находится в личной библиотеке Негоша и является частью двухтомной антологии подражаний и переводов греческих и латинских поэтов, в которую вошли русские версии классической поэзии А.Ф. Мерзлякова (Flašar 1997, 35). По этой причине мы связываем русский перевод гомеровского гимна со стихотворением Негоша и сравниваем его описание богини ночи с гомеровским описанием из *Гимна к Селене* под номером XXXII (Вересаев, В. В. 1963).

На символику света и ее особый статус в творчестве Негоша исследователи неоднакратно обращали внимание (Ivanović 2002, Lompar 2010).

Размышляя о символике цветообозначения *плав* в стихотворении Негоша, мы также напоминаем его универсальную символику как мистического, духовного, потустороннего, трансцендентального, который полностью гармонирует с темой стихотворения. Мистическое и религиозное содержание стихотворения Негоша было предметом многих исследований (Ivanović 2002; Lompar 2010; Babić 2018). Кроме того, имея в виду эпоху, в которую творил Негош, мы обратили внимание на символику этого цвета у романтиков.

Символика синего/голубого цвета в романтизме и его отражение в языках

Одним из первых произведений европейской романтической литературы, в композиции и сюжете которого главную роль играет символ, является роман Новалиса (Фридрих Леопольд Фрейхер фон Харденберг) *Генрих фон Офтердинген*, оставшийся незаконченным. Символ, объединяющий по композиции весь роман и вошедший в мировую литературу, – *die blaue Blume* (*голубой цветок*), также стал своеобразным символом романтизма, прежде всего немецкого (Солодуб, Альбрехт, Кузнецов 2005, 198). По мнению авторов, словосочетание *голубой цветок* вошло в традицию русской классической литературы как символ романтизма и выступает в неоднозначном цветовом спектре русского языка как более нежный, чем синий.

Однако для нас еще интереснее тот факт, как этот символ проник из литературы в другой национальный язык – русский. В русском языке используется идиома *голубая мечта* со значением – ‘идеализированная, часто недостижимая мечта’. Этимологию этой идиомы русские фразеологи объясняют двояко, и обе трактовки имеют отношение к нашей теме. Согласно одной трактовке, русская идиома возникла как неправильный перевод с немецкого языка, именно фразы *die blaue Blume* как символ великой, недостижимой мечты молодого поэта из вышеупомянутого романа Новалиса. По другой трактовке: переносное значение прилагательного *голубой* появилось в русском языке в двадцатом веке под влиянием популярной пьесы М. Метерлинка под названием *Синяя птица*. Авторы словаря утверждают, что в немецком языке есть термин *die blaue Blume* со значением ‘несбывшаяся мечта, идеал’. На основе этого выражения в немецком и французском языках появилось символическое использование

голубого цвета, означающего 'воображаемое, созданное по образу, идеальное'. Семантическим калькированием русское прилагательное *голубой* также приобрело это значение, и таким образом появился фразеологизм *голубая мечта* (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 377).

Однако, и название пьесы Метерлинка запечатлелось в культурной памяти русских, потому что синтагма *синяя птица* стала символом счастья, а точнее поиска счастья, и оставила свой след в русском языке как частотная идиома. Об этом свидетельствуют данные словаря (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 477).

Этот небольшой экскурс во фразеологию русского языка является наглядным примером того, как символы эпохи литературных произведений преодолевают культурные и языковые барьеры и благодаря своей универсальности становятся символами в системе другого языка. Кроме того, этот пример интересен с точки зрения переводоведения, потому что он иллюстрирует асимметрию языка на лексическом уровне. Ни в немецком, ни во французском, в которых и возникли идиомы, нет различия синего/голубого цвета на лексическом уровне, как в русском языке, поэтому символика названного цвета как обозначения воображаемого, идеального и недостижимого счастья отразилась в семантике двух родственных русских идиом, в составе которых имеются атрибуты и *голубой* и *синий*.

Заключение

Адекватным соответствием негошевского символа *плава луна* на русский язык по нашему мнению является словосочетание *синяя луна*. Аргументы таковы: на денотативном уровне русское прилагательное *синяя* частично совпадает с сербским прилагательным *плава*. Объективная причина неполного совпадения имеет лингвистическую природу, и она вызвана лексической асимметрией двух языков. В современном русском языке есть два знака для описываемого цвета, которых, как мы видели, не существует в современном сербском языке. Первый аргумент соответствует требованию взаимозаменяемости единиц оригинала и перевода на лингвистическом уровне (в системе языков). Вторым аргументом состоит в том, что в русской поэзии, хотя и с меньшей частотой (что опять же совпадает с ситуацией в сербском языке, учитывая тот факт, что синтагма оригинала *плава луна* является окказиональной, негошевской), используется словосочетание *синяя луна*, из-за чего это не будет чем-то необычным для русского читателя и окажет на него такое же прагматическое влияние. Этим достигается соот-

ветствие на втором – эмоционально-эстетическом уровне. На символическом уровне словосочетание *синяя луна* может вызвать у русского читателя ассоциации с идиомой *синяя птица*, которая обладает положительной коннотацией в русской языковой картине мира и означает поиск идеального счастья. Негошевская *плава луна*, помимо всех вышеупомянутых семантических компонентов, происходящих из мифопоэтики, также является символом поиска полной гармонии и абсолютного счастья в *hieros gamos*, потребности в целостности. И это снова обусловлено использованием существительного *луна* (а не *месяц*) для передачи основного противопоставления женского и мужского принципов, который Негош использовал в духе античной, а также европейской поэтической традиции, как контрарный символ в стихотворении.

Имея в виду, что синтагму *плава луна* мы считаем окказиональной идиомой поэта, а общеизвестно, что внутри идиомы ее компоненты либо полностью десемантизированы, либо их значение внутри идиомы подвергается семантическому сдвигу, приобретая новые коннотации, наш анализ и “разбор” компонентов идиомы Негоша мог бы подвергнуться сомнению. Однако, учитывая тот факт, что мы имеем дело с поэтическим текстом, в котором есть многоуровневая символика, а также известный факт, что Негош часто использует фразеологию, одновременно актуализируя буквальное значение идиом в своих произведениях, и таким способом создает двойную актуализацию (Rejapović 2010), мы считаем такой подход оправданным и целесообразным.

Итак, значение лексемы *плава* в синтагме *плава луна* в стихотворении Негоша *Ночь дороже века* раскрывается как фразеологически связанное значение. Мы могли бы сравнить это с идиомами аналогичного семантического содержания: *die blaue Blume* в немецком языке, *la fleur bleue* во французском и *синяя птица* и *голубая мечта* в русском, в которых произошел сдвиг значения компонента, обозначающего цвет внутри синтагмы. Это новое значение цвета происходит из вышеупомянутых синтагм, которые как литературные символы поиска идеализированного счастья получили свое идиоматическое отражение в языке (первоначально в немецком и французском), а также через литературные и культурные связи в процессе семантического калькирования и в русском языке. Мы не утверждаем, что Негош перенял символику синего цвета у европейских романтиков, хотя он был знаком с ними через русские переводы Жуковского и Мерзлякова, чьи работы находились в его библиотеке, но мы лишь указываем на возможные пути развития семантики слова. Из-за положительной коннотации и символики, которыми обладает идиома *синяя птица* в русском языке, она может

ассоциироваться со словосочетанием *синяя луна* и может быть адекватным соответствием негошевской идиомы *плава луна*.

Внутрифразеологическое значение компонента *плава* вносит свой вклад в общую символику, подчеркивая универсальную мифопоэтическую символику существительного *луна* и, таким образом, символика негошевского словосочетания *плава луна* в этой оде любви в дополнение к уже упомянутой универсальной символике Луны небесного тела и Луны богини ночи добавляется и сема мистического, идеального счастья. В названном авторском символе Негоша сочетаются и вечная женственность и фотогония как глобальные символы романтизма, а также сублимируются поиск и стремление к гармонии и счастью. Негош мастерски встраивает свою символику в классицистскую. Как авторский (оказиональный) символ, *плава луна* не стала универсальным (узуальным) символом, вошедшим в язык, таким как *die blaue Blume* в немецком языке или *la fleur bleue* во французском и *голубая мечта* в русском языке. Упомянутым литературным символам романтизма было проще, потому что языки и культуры, в которых они были созданы, более “влиятельны”. Он не стал таким символом ни как *синяя птица* символистов, но своей ассоциативной силой как авторский символ напоминает нам упомянутые символы. Итак, фраза *плава луна* – это и полная сияющая (синяя) Луна в чистом ночном небе, и яркая, сияющая богиня Луны, и прекрасная фея в объятиях лирического героя.

Если в языке перевода есть возможность передать эту многослойную символику, то ее необходимо передать. Как мы показали в предыдущем анализе, для этого есть условия на всех уровнях – денотативном, стилистическом и символическом. Эта возможность была использована нашими переводчиками лишь частично. Заменяя словосочетание *плава луна* на синтагму *синий месяц*, они нарушили противопоставление мужское – женского начало, которое является ключевым для общей символики стихотворения. Хотя лексема *месяц* в русском поэтическом языке встречается как синоним лексемы *луна*, в контексте стихотворения Негоша она не является ее адекватным соответствием.

Наконец, мы обязаны объяснить, почему мы отклонили словосочетание *голубая луна* как потенциальное переводное соответствие. Причины следующие: в современном русском языке эта синтагма используется в основном как астрономический термин (калька с английского *Blue Moon*), к тому же в молодежном жаргоне словосочетание обозначает представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. В контексте оно не подходит и по метрическим причинам.

Литература и источники

- Алексеева, И. С. 2006. *Введение в переводоведение*. Москва: Издательский центр Академия. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Babić, Duško. 2018. "Sublimirani eros u pesmi *Noć skuplja vijeka*" [<https://stilskevezbegmail.wordpress.com> > 2018/07/01] (дата обращения 18.04.2021).
- Бирих, А. К, Мокиенко, В. М, Степанова, Л. И. 1998. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
- Гарбовский, Н. К. 2004. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета.
- Čović, Minić. 2007. *Petar Petrović Njegoš. Noć skuplja vijeka*. Prevod na ruski jezik. Beograd, Nikšić: Interpres i Filozofski fakultet Nikšić.
- Dragičević, Rajna. 2018. "Počeci štampane srpske ćirilčne leksikografije: Orfelinov rečnik iz 1776. godine". In: *47. međunarodni naučni sastanak slavista u Vukove dane 14-18. septembra 2017*. Ur. Dragana Mršević Radović. Beograd: Filološki fakultet.
- Фасмер, Макс. 1986. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Том II. Москва: Прогресс.
- Федоров, А. В. 2002. *Основы общей теории перевода*. Москва: Издательский Дом Филология три. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Flašar, Miron. 1997. *Njegoš i antika*. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti.
- Flašar, Miron. 2017. "Klasične reminiscencije u pesmi *Noć skuplja vijeka*" In: *Izabrana dela Mirona Flašara*. Tom III, 512-516. Beograd, Novi Sad: Filološki fakultet, Matica srpska.
- Горбачевич, К. С. 2002. *Словарь эпитетов русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт. 224.
- Горбачевич, К. С. 2004. *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке*. Москва: Аст, Астрель, Ермак.
- Ivanović, Radomir V. 2002. *Njegoševa poetika i estetika*. Novi Sad: Zmaj.
- Ivanović, Radomir V. 2017. *Njegoš. Njegošologija. Njegošolozi*. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti.
- Ivić, Milka. 1995. "Plava boja kao lingvistički problem". In: *O zelenom konju. Lingvistički ogledi*, 59-86. Beograd: SlovoGRAF.
- Kilibarda, Vesna i Knežević, Jelena. 2017. *Njegoševa biblioteka*. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti.
- Кожемкова, Е. А. 2001. *История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке*: диссертация кандидата филологических наук: Нижний Новгород. [<http://www.dslib.net/russkij-jazyk/istorija-formirovanija-semantiki-prilagatelnyh-cvetooboznachenij-v-russkom-jazyke.html>] (дата обращения 18.04.2021).
- Колесов, В. В. 1982. *История русского языка в рассказах*. Москва: Просвещение. О синем море, сизом голубе, черной кручине. [<https://www.rulit.me/books/istoriya-russkogo-yazyka-v-rasskazah-read-554583-12.html>] (дата обращения 19.04.2021).
- Кузнецов, С. А. 2004. *Большой толковый словарь русского языка*. Москва: Норинт. 153б.
- Lompar, Milo. 2010. *Njegošovo pesništvo*. Beograd: SKZ.

- Маковский, М. М. 1996. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках*. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
- Marojević, Radmilo. 2017. *Petar II Petrović Njegoš. Bilježnica*. Kritičko izdanje. Tekstologija. Podgorica: CID.
- Национальный корпус русского языка ruscorp.org. [
<https://ruscorp.org/new/>
 ] (дата обращения 17.04.2021).
- Njegoš, Petar II Petrović. 1975. *Svobodijada. Glas Kamenštaka*. Beograd: Prosveta.
- Pejanović, Ana. 2010. *Frazeologija Gorskog vijenca. Frazeološki žanrovi. Kulturni koncepti. Ruski prevodi*. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti.
- Pilipović, Jelena. 2016. "Pejzaži ljubavi: Erotizacija prirode u Sapfinom fragmentu 96 i Njegoševoji odi *Noć skuplja vijeka*". In: *Srbistika danas 1*, ur. Saša Šmulja, 167–189. Banja Luka: Univerzitet u Banjoj Luci, Filološki fakultet.
- RSANU XI. 1981. *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. Knjiga XI. Beograd: Institut za srpskohrvatski jezik. 800.
- Сапелкин, А. А. 2013. "Образ луны в романтической поэзии: Две тенденции в рамках одного жанра": Вестник Пермского университета № 2 (22).
<https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-luny-v-romanticheskoy-poezii-dve-tendentsii-v-ramkah-odnogo-zhanra>
 (дата обращения 17.04.2021).
- Skok, Petar. 1972. *Etimolgijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knjiga druga. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Stevanović i dr. 1983. *Rečnik Njegoševa jezika*. Beograd, Titograd, Cetinje: Vuk Karadžić i dr.
- Солодуб, Ю. П., Альбрехт, Ф. Б., Кузнецов, А. Ю. 2005. *Теория и практика художественного перевода*. Москва: Академия.
- Тюленев, С. В. 2004. *Теория перевода*. Москва: Гардарики.
- Тресиддер, Джек. 1999. *Словарь символов*.
https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/index.htm
 (дата обращения 17.04.2021).
- Вересаев, В. В. 1963. Гомеровы Гимны XXXII. К Селене. в "Эллинские поэты". Москва: "Художественная литература".
<http://ancientrome.ru/antlittr/homer/hymn/selene.htm>
 (дата обращения 17.04.2021).
- Vukčević, Miodrag M. 2016. "Stylistics and the Cultural Context in Literary Translation Njegoš's *The Mountain Wreath* in the German translation." *Babel* 62 (4): 623–634.
<https://doi.org/10.1075/babel.62.4.05vuk>
- Vuković, Novo i dr. 2001. *Prevođenje Gorskog vijenca na strane jezike*. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti.

Résumé

Dans cet article, nous traitons l'interprétation du symbole de l'auteur et le problème de sa traduction en russe. Sur l'exemple du poème de Njegos *Une nuit plus précieuse qu'un siècle* nous avons présenté l'algorithme de la procédure de traduction pour déchiffrer la sémantique complexe du symbole de l'auteur, ainsi que la procédure pour trouver son correspondant de

traduction en langue russe. L'analyse part du point de vue de la traductologie, de la linguistique et de la littérature moderne, et prend en compte les données pertinentes de l'étude des chefs-d'œuvre de Njegoš, en tant que science intradisciplinaire. Afin d'éclairer la nature complexe du symbole en tant que signe linguistique et sa fonction dans le texte littéraire, ainsi que la possibilité de sa traduction en russe, diverses méthodes sont appliquées: analyse contrastive, étymologique, interprétative en synchronie et diachronie. L'analyse menée montre l'importance de rechercher des symboles sous divers aspects, en partant du niveau linguistique le plus bas dans la langue source, en passant par le littéraire – dans le style de l'époque et l'idiosyncrasie de l'écrivain et en terminant par l'approche traductologique interlingue. Cette interprétation multi-forme contribue à résoudre la sémantique du symbole et à trouver son correspondant traductionnel.

Mots-clés : Njegoš, *Une nuit plus précieuse qu'un siècle*, symbole, lune bleue, langue russe, langue serbe, correspondant de traduction

Address for correspondence

Ana Pejanović
Filoloski fakultet
Univerzitet Crne Gore
Danila Bojovica bb
81400 Nikšić
Montenegro
apejanovic@rambler.ru

Publication history

Date received: 10 December 2021

Date accepted: 1 May 2022

Published online: 15 September 2022